

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

"СПАСЕНИЕ"

ИВАН ГРОМОВ

ГОСПОДЬ ЗАСТУПИТ МЯ

Иван Громов

Спасение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63494137

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник рассказов начинающего беллетриста Ивана Шишлянникова (Громова). В 2020 году он был номинирован на премию "писатель года 2020" в разделе "дебют". Героям сборника нужно доказать величие души человеческой. И в этом нам всем помогут истории. Да-да, простые истории, что смогут наделить душу магической силой Слова. Каждый отзыв читателей поспособствует развитию творческого пути начинающего автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

«Протест»	5
«Тепло тел наших»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иван Громов

Спасение

«Посвящается Ксени, той самой. Свети путеводной звездой и впредь».

«Протест»

Я уже не помню, как тогда заболел.

Но я точно знаю, что болезнь забрала у меня самое дорогое – мою жизнь.

У меня кроме неё ничего не было. В мире я был совершенно один. Так что помочь мне с моим недугом было никому.

Я пришёл в этот мир сиротой. И этими словами я не пытаюсь выдать из вас жалость. Она мне не нужна.

Меня бросили в роддоме по неведомым мне причинам. Да и какая уже разница? Жизнь наладилась со временем. С трудом, но мои знакомые из детского дома выбили мне маленькую квартирку. И с тех пор я живу в ней, получая небольшое пособие от органов опеки.

Не сочтите меня иждивенцем. Пытался я и работать, но большая часть людей смотрела сквозь меня. Так, будто я был каким-то призраком. Хотя у нас с этими людьми одна плоть, одна кровь, одни кости. Но в мире это перестало иметь какое-либо значение. Мы все равны на словах. Но на деле жизнь проявляется не так, как хотелось бы.

И вот я шуршал на разных стройках, искал шабашки в качестве грузчика, где-то помогал с уборкой. Большую часть времени я выживал, но и в такой жизни были свои светлые моменты.

И вот я как-то заболел.

Болезнь слилась со мной на стройке. Мне тогда показалось, что чувства мои обострились. Предметы стали яркими и резкими. Даже самый незначительный звук эхом отражался в моей голове.

Меня мутило, а бригадир пытался мне что-то объяснить. Он смотрел сквозь меня, как и многие другие люди.

Все его слова я пропустил мимо ушей. В тот момент я понял, что сейчас на него упадёт кирпич.

С безумным видом я оттолкнул его плечом в сторону. Строительный блок упал за нашими спинами. – Уф! – Я пытаюсь отдышаться. Трагедии удалось избежать.

Бригадир посмотрел на меня, затушил свою сигарету об землю ботинком и сказал – слышь, чо бодаешься? И пошёл дальше. Как ни в чём не бывало.

С того дня мир утратил свою цельность. Я шёл домой по бумажным улицам, пытаюсь отыскать в этом мыльном мире свой дом. Казалось, что здания сделаны из картона. Тогда мне подумалось, что я перестал быть частью этого мира. И мир теперь тоже меня избегает. Как и все вокруг.

Пару дней я находился дома, силясь разобраться в своих чувствах. У меня не было книг. Только небольшой телевизор с дешёвой приставкой. И все дни я смотрел его, пытаюсь снова собрать мир по кускам. Узнать что-то о своём состоянии.

И в один из дней мне стало хуже.

Теперь я понял, что вещи вокруг обретают голоса. Из кра-

на закапали утробные звуки. Лампочка затрещала, пытаюсь меня оскорбить.

К голосу диктора на экране примешались какие-то гулкие и нечленораздельные выкрики. Спать стало тяжело. Я задыхался и просыпался по несколько раз за ночь. Тогда я для себя решил, что пора идти в больницу.

В больнице впервые на меня уставились десятки глаз. И мне стало неловко. Я сел на край лавочки, стараясь не подавать виду и начал ждать своей очереди. Что-то было не так. Люди замечали меня. Они разделяли со мной чувство единства. Тоже пытались заявить о себе. Отвоевать свой клочок жизни. Все эти старушки и деды, мужчины и женщины среднего возраста, матери и дети. Все те, кто не мог позволить себе платную медицину. Все те, кто хотел жить.

– Молодой человек, проходите так, без очереди – сказала мне какая-то рыжая женщина. Она была неестественно бледна. Однако, меня удивило не это. А контраст – между бледной кожей и ярко-красным сердцем в её груди. Настоящий человек. Живой.

Я зашёл в кабинет, осознавая, что теперь другие люди начали замечать мою болезнь. Плохо было дело, раз меня готовы были пропустить без очереди.

Не кабинет, а вместилище для карточек, бумаг, бланков. Терапевт даже не подняла свои глаза от документов. Она увлечённо что-то заполняла в формуляре. Почесала свой тонкий нос и буркнула – слушаю.

И я объяснил ей всё то, что со мной происходило в эти дни. Странные чувства, назойливые голоса, испорченный сон. А терапевт только гымкала себе под нос, продолжая заполнять отчёты.

Наконец она посмотрела на меня и почесала ручкой висок – так вам не ко мне, вам вот по этому адресу нужно, к врачу-психиатру. Она сунула мне бумажку с контактами этого места и сказала, чтобы я закруглялся. – Следующий! Становилось тяжело перемещаться по улицам. Пространство города начинало на меня давить, силилось сломать мои кости. Мне было неудобно в своём теле. Я слышал, как бьётся моё сердце. Как бежит кровь по венам. От этого меня обволакивало холодным потом.

В психоневрологическом диспансере всё было иначе. Люди снова перестали меня замечать. Хотя я видел, что каждому из них нужна помощь специалиста. Они болели, как и я.

Кто-то обхватил свои колени и мычал. Кто озирался по сторонам и постоянно крестился. Один мужчина встал у стены, уставив свой взгляд в пустой угол. Всё это время он смотрел туда, словно там показывали какое-то шоу.

Было понятно, что тут никому до нас нет дела. Больница жила по своим правилам.

Врачи и санитары проходили мимо, не замечая контуров наших тел. Всё вокруг было холодное. Стены, люди, больничные плакаты. В этой ледяной пустыне можно было сгнить навсегда.

– Да всем плевать на тя! – сказал мне какой-то тощий парень, вышедший из дверей туалета. Потом он захохотал на весь коридор и умчался куда-то в сторону. Два санитара побежали за ним следом.

Время не имело значения. Я уже ничего не ждал. Но пришла и моя очередь. Зашёл в кабинет. Пытался согреть себя, потирая руками бока.

Врач в сером свитере с красными звёздочками и в тонких очках посмотрел на меня. Проверил мои рефлексy, послушал мою речь, попросил рассказать поподробнее про все симптомы.

Сначала показалось, что ему до меня есть дело. Вот настолько хорошо он обходился со мной. Обдумывал каждую мою фразу. Интересовался мной.

Но потом всё изменилось, и он перешёл на официальный язык. Мёртвый язык зазвучал из его уст. Смешивая медицинские термины с уловками журналистов.

Я и ранее такое видел, когда пытался получить квартиру. И каждый день эта безжизненную речь звучала по телевизору. Речь человека, которому всё равно на тебя и на твою жизнь. Ему хочется избавиться от тебя, но он старается послать тебя помягче. А потому выстраивает защитный каркас из мусорных слов, которые не несут никакого смысла.

Всё свелось к тому, что у них нет для меня места в больнице. И он мне может предложить только амбулаторное лечение. Мне будет нужно приходить и забирать необходимые

таблетки. Пить их и следить за своим состоянием.

– Мы о вас обязательно позаботимся – говорил он мне, выписывая очередной адрес какой-то конторы. – Но для начала вам нужно съездить вот сюда – его ручка обвела овалом название улицы и дом. – Только так мы сможем назначить вам всё необходимое. После этого я пошёл домой.

Помню, что тогда мне стало хуже. Болезнь разгоралась всё ярче. Моя голова стала вместилищем для мигрени и прочих болей.

Тени в доме начинали обретать форму, становились всё объёмнее и объёмнее. Они начали говорить со мной – жалкое ничтожество, ты должен себя убить!

Целая стая теней кружила вокруг меня в тот вечер. Я включил свет по всей квартире и решил спать с фонариком. Но вместо сна я был вынужден довольствоваться какими-то обрывками галлюцинаторных видений. В них я падал, попадал под машину, умирал от удара ножа.

Утром я поехал по нужному адресу, пытаюсь взять себя в руки.

Оказалось, что мне необходимо было пройти медицинскую комиссию. Консилиум врачей должен был подтвердить у меня наличие заболевания. Их подписи и бумаги открыли бы мне дорогу к выздоровлению. Оставалось только дать своё согласие и ждать

Мне было страшно находиться в своём доме одному. Весь тогдашний вечер я провёл в круглосуточном супермаркете.

Удивительное дело, оказалось, что охранник замечает меня. И воспринимает как живого человека.

Он не совсем понял мою историю про говорящие тени. Хмыкнул и решил научить меня нескольким приёмам из вольной борьбы. – Если что, то давай отпор – говорил он мне. – А потом беги – улыбка заиграла на его морщинистом лице. – Мы же не в героев играем, верно?

Утром я пошёл за своими бумагами и понял, что мне становится хуже.

Мир утратил все краски и цвета, теперь я воспринимал всё через призму чёрно-белого фильтра. А ещё изменился вкус времени – оно стало медленное и вязкое. Самое страшное было в том, что у всего вокруг прорезались голоса.

И они говорили мне – умри, жалкое животное! Скрипучий голос улиц впивался в мой мозг и восклицал – ты тут никому не нужен, так найди же в себе силы сдохнуть!

Врачи из комитета выдали мне документы и улыбнулись. – Ну вот, вам осталось совсем немного. Поставить печати, получить подпись главного врача, а потом вот обратиться по этому адресу. Очередная бумажка приземлилась в мои руки.

Они улыбались мне. Но им не было до меня дела. Плевать они хотели на меня и на мою жизнь. Врачи, чиновники, бумажные чудища, демоны из формуляров, оживший бюрократический язык – теперь моя жизнь находилась в их руках.

В тот момент я понял, что от болезни уже никуда не деть-

ся. Вокруг был слышен только хор проклятий в мой адрес. Силы бороться у меня практически иссякли. Я пошёл домой, пытаюсь отыскать там тишину.

Моё замученное отражение смотрело на меня из зеркала и заискивало со мной – ты должен себя убить, друг. Сейчас это единственный выход. Отражение оскалило свои зубы.

Тогда я разгромил всё в своей квартире, оставив после себя полнейший кавардак. Мысли мои путались, мышцы слушались с трудом, меня накрыла волна безразличия ко всему.

На кухне я взял зажигалку и положил её в полиэтиленовый пакет. У соседа, что нещадно пил, я попросил канистру с бензином. Ему было настолько хорошо в тот момент, что он отдал мне её без всяких вопросов.

Послав мне воздушный поцелуй перед тем, как закрыть передо мной дверь.

С канистрой бензина я направился в сторону диспансера. Гул голосов всё нарастал. Облака почти не двигались. Люди сливались с серым асфальтом. В мире для меня больше ничего не осталось. И я теперь был утерян для мира. Я ведь заболел. Сильно-сильно.

Встал перед входом в диспансер и начал обливать себя бензином. Облился им с головы до ног. Делал я это аккуратно, так, чтобы не намочить руки.

Всем вокруг было всё равно. Складывалось ощущение, что меня попросту не замечают. Что нет ничего удивительного в человеке, который обливает себя бензином на глазах

у всех.

Я отставил канистру в сторону и осторожно достал зажигалку из пакетика. Поднёс её к своему телу и умиротворённо чиркнул колёсиком. –ЧИРК-

Моё тело начало гореть. Ярким пламенем огонь обвил мой остов. Начал пожирать мою одежду, превращать в угольки мою плоть. Чёрная копоть окутала мой силуэт, оставила чёрный нагар на асфальте. Всё вокруг зашевелилось.

Горел я недолго на самом-то деле. Да и не чувствовал в тот момент ничего. Только глядел, как все вокруг суетятся и кричат. Мне показалось, что они наконец меня заметили. На время краски вернулись в мой мир. А потом всё погасло. Погас и я.

Много шуму я тогда наделал. Вызвал всеобщее негодование. Попал в новости. Стал героем социальных сетей. Люди репостили новостную запись обо мне в разные группы.

Интернет на время был похож на мозаику, состоящую из подобных заголовков: «больной человек не получил лекарства и был вынужден себя сжечь», «человек совершил протест с помощью акта самосожжения», «страдающий от шизофрении юноша совершил самоубийство в состоянии психоза».

Тогда ещё по новостям показывали местного чиновника, который протирает свой мокрый лоб платочком и тараторит – возмутительно! – было видно, что весь он состоит из фальши. Его неуверенный голос заявлял с экранов – если бы я

прознал про это нарушение прав человека раньше, то никакой трагедии бы не случилось.

Вот так все и говорили про меня пару дней. Причитали, жалели меня, крепче обнимали своих родных и близких. В больнице обещали провести какие-то реформы.

Решили создать программу поддержки для малоимущих и детей сирот. Но мне до этого не было никакого дела. Я ведь сторел, помните?

Для меня после моего бесцветного существования всё показалось насыщенным и ярким. Повсюду тёплые цвета. Приятный белый шум. Я озирался, но ничего не видел по сторонам, только скопления густых облаков. И много-много белого цвета.

Времени здесь не существовало. Я понял, что больше не болею. Что мне теперь легко.

Вспоминаю, как услышал тогда громкий голос. Он сказал мне – пойдём! Я сразу понял, что этот голос принадлежит существу властному и уверенному в своих силах.

Он звучал иначе, в отличие от голоса того чиновника с платочком. Было понятно, что у этого голоса действительно есть безграничная власть.

В момент этих размышлений голос прозвучал ещё громче – пойдём!

И я пошёл искать его источник. Меня тогда больше всего удивило, что в этом месте не было никаких очередей, бумажных гор, бесконечных формуляров и бланков. И никаких

бумажек с адресами.

Там не было ничего такого. Всё было какое-то другое...
Человечное что ли.

«Тепло тел наших»

– Ну их к чёрту – бубнила я себе под нос. Снова и снова. – Надоели! – театрально притопнула ногой по земле. – Сплошные запреты и глупые нравоучения. Делай то, не делай это – я снова насупилась. – И в церковь свою пусть сами идут. Мне и без них есть чем заняться.

Мороз кусал мои щёки. Снежинки искрились на синем пуховике. Зиму было за что любить. И я её любила.

Сосульки, обжигающие язык. Нелепые снеговики, разваливающиеся от одного удара кулаком. Холодное железо качелей.

А чего и говорить про лёд? На льду было лучше всего. Вставать в центр замёрзшей речки и смотреть по сторонам. Чувствовать себя важной, особенной. Вам такое знакомо?

Я шла к речке. О моих планах я никому и никогда не сообщала. Лишний раз слушать от бабушки разные присказки я не хотела. – А вот Колька у нас... – начинала она свои занудные речи. – А Витька вообще провалился, с трудом достали тогда из воды. Я лишь кивала головой. Мир взрослых казался мне старым чуланом. Сборище тряпок, выцветших картин, уж никому не нужных игрушек.

Жить в рамках от телевизора, прячась за пожёванной газетой – такой мне казалась взрослая жизнь. А жизнь она не такая. Вот в книгах Достоевского жизнь! Бьёт ключом, об-

жигает, заставляет нервно перелистывать страницы.

– Ну их к чёрту! – всё повторяла я свои слова. До речки оставалось всего ничего. Ночью холод объял наш городок. Лёд уже должен был встать. Мне хотелось в это верить.

Даже здесь стояла какая-то церквушка. Много их рассыпано по городу. И на нашем районе парочку можно насчитать. Обычно я стараюсь их не замечать, но сегодня маленький храм выглядел как-то неестественно. Никого не было, только уборщик, что жёг листья и прочий мусор в железной бочке.

Может это запах дыма так на меня повлиял? Церковь и церковь, ничего в ней особенного нет. Странно, что народу не видно. А так – скукотища.

Тут уборщик повернулся ко мне и улыбнулся. На нём была тонкая и заношенная коричневая куртка, ноги обхватили зелёные рабочие штаны.

Он махал мне рукой и улыбался своим бородатым лицом. Его светлые волосы горели на солнце. Этот человек показался мне странным. Может и не уборщик это, не знаю. Поди священник переделся в рабочую одежду и воркует тут сам с собой.

Я пошла дальше, мне уже хотелось почувствовать свою отрешённость от мира. Стать границей между небом и землей. Странником в безбрежных землях. –Пфф-

Издавала протяжный вздох своими губами. – Всюду они, покоя никакого не дождёшься – причитала я сама с собой. На

обратном пути обойду этот храм стороной.

В моём кармане грелся коробок спичек. Мне тоже захотелось потом поискать картон или сухие пачки от сигарет. Устроить небольшое кострище за домом. Там всё равно никого нет. Холод и огонь, синее и красное – что может быть лучше в день зимних каникул? Игра цветов, борьба плюса и минуса, противостояние двух стихий.

Наконец спустилась на лёд и почапала по нему. –Скр- Лёд хрустел под моими ногами. Мысли уносили меня на страницы произведений Пушкина, навевали что-то из Баратынского:

«Легла волнистыми коврами
Среди полей вокруг холмов.
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою»;

Я шла по льду, не смотря под ноги. –СКР- Забыв про мир вокруг себя. Хотелось немного помечтать, подумать о своём месте в мире. –СКР- О природе. –СКР! -

А потом я провалилась под лёд.

Синее и красное – синяя кромка льда и краснеющее в холодной воде тело. Я не могла выбраться на льдину сама. Руки скользили, одежда тянула вниз, тело начинало коченеть.

«Блеснул мороз, и рады мы
Проказам матушки-зимы».

В голове уже ничего не осталось, как и в моём теле. Ни мыслей, ни тепла, ни сил. Я барахталась руками в наледи,

постепенно теряя сознание.

– Веришь мне? – мою правую руку кто-то схватил. – Тогда держись! – человек стоял на воде и тянул меня в свою сторону. У него была крепкая хватка, а на ногах были зелёные рабочие штаны. Больше я ничего не запомнила. Красный цвет застилал мне глаза. Я не понимала, что происходит. Ощущение собственного тела пропало. Глаза не могли ориентироваться в винегрете из красных и чёрных мазков. – Чирк- Тепло начало заполнять собой окружающее пространство.

Я увидела группу мальчишек, которые столпились вокруг своего товарища. Он дёргался и извивался у их ног. Из его рта шла пена и дорожка слюны. – Он типа демон! – говорили они друг другу. – Надо сваливать – предложил самый старший из них.

– Он не демон – произнёс тот самый уборщик, что жёт мусор на территории храма. – Просто ему плохо – он нежно повернул его голову на бок и начал ждть. Судороги прекратились. Бородатый человек снова заулыбался, его волосы поглощали солнечные лучи. Голова из-за этого светилась ярко-ярко. – Пойдём, я отведу тебя к маме – сказал он, протягивая запуганному ребёнку руку.

– Веришь мне?

Красный цвет продолжал давить на меня. Я не понимала, что это за чувство. Где я? Что со мной? – Чирк- Мне стало теплее. Тепло осыпало поцелуями моё замёрзшее тело.

В храме было тепло. Солнце освещало иконы, золотисты-

ми лучами струилось в комнату. Игра света и тени завораживала. Я видела рой пылинок, ощущала степенный ход минутной стрелки.

Бородатый человек мыл чан из-под святой воды. Что-то напевал себе под нос. Выглядел он очень счастливым и знакомым. Где я раньше его видела?

В комнату ворвался поток холодного воздуха. Это старушка вошла в храм. Руки дрожали, но уверенно сжимали горлышко пластиковой бутылки. – Милок, а святая вода закончилась? – жалобно протянула она.

– Не поможешь бабушке? – свободной рукой она показала на своё сердце.

– Барахлит совсем, а с божьей помощью глядишь заработает – протараторила она. – Я водички выпью и помолюсь, оно сразу и легче делается – бабушка села прямо на то место, откуда за всей картиной наблюдала я. Тело её прошло сквозь моё. А я даже и не придала этому значения.

– Как не помочь-то! – взбодрился бородатый человек. Из-под полы своей куртки он достал бутылку чего-то. – Вот, кагор – протянул он бутылку ей. – Освящённый – он снова заулыбался и заискрился жёлтым светом. Казалось, что он магнит для лучей солнца.

– Ты только пей понемногу – продолжил он. – И молись, воздастся тебе по вере твоей. Бабушка неловким движением приняла бутылку кагора. Какое-то время она не могла подобрать слова и от этого замешкалась. Мужчина улыбнулся

ещё ярче.

– Веришь мне?

Всё стало голубым. Словно небо свалилось на меня. Стало мной.

Я очнулась в служебном помещении. Оно состояло из синего цвета. Горела новогодняя гирлянда. Вокруг меня стояло несколько столов, лежали старые ковры, какая-то посуда. Мне устроили ложе возле металлической бочки. Возможно у той самой, в которой давеча жгли мусор. От неё шли остатки тепла. Но в комнате никого не было.

Возле неё лежал мой коробок спичек, но в нём уже было пусто. Я взяла его в руки. – Странно, сухой – только и вымолвила я.

Это он меня спас. Тот человек, что махал мне рукой. И не обиделся ведь на моё грубое поведение. Но где он? Я сидела и размышляла.

Всё казалось каким-то нереальным, сказочным. И спички как-то высохли, да и сама я была сухая. В голове крутились сплошные вопросы. Сколько прошло времени? Что это были за видения?

Может я просто потеряла сознание и мне всё причудилось? Может так и было. А этот человек меня подобрал и уложил на время в эту каморку.

Решила встать и во всём разобраться. На душе было тепло, по телу разливалось приятное чувство защищённости. Странные ощущения. Будто кто-то коснулся твоего сердца и

зажѐг его. А оно после этого заработало на полную катушку.

Территория храма всё так же пустовала. Никого не было, только за воротами кто-то стоял. Наверное, он – решила я – и зашагала в сторону человеческой фигуры.

Это был не он.

У ворот стоял совсем другой человек. Он тоже был в рабочей одежде. И борода у него была, и светлые волосы. Но это точно не он. Я смотрела на него несколько минут и думала, что же это за странное чувство?

– Ищешь кого-то? – улыбнулся он мне. Меня будто током ударило. – Нет, простите, обозналась – ответила я ему. – Вы не знаете, кто спас меня на льду? Он вроде тоже у вас работает, здесь.

– Нет, не знаю – пожал он плечами. – Да и не было тут сегодня никого, только я. Может тебе показалось что-то? Я замотала головой. Мы постояли с минуту молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.